

Петр Андреевич Рыжков

Второй командир Орджоникидзеградского (Бежицкого) партизанского отряда, П. А. Рыжков, заметно выделялся среди руководящих партизанских кадров на Брянском фронте. Он был образован, начитан, в совершенстве владел французским языком. Его отличала от других точность в словах и оценках. Обладал бесценным опытом международного сотрудничества. До войны пять лет работал в Париже, дважды побывал в Африке (Марокко, Тунис, Алжир), выполнял задания в Бельгии, Германии, Польше. Отличался хладнокровием и пунктуальностью.

И при этом стараниями своих малообразованных завистников Петр Рыжков остался, пожалуй, самой недооцененной фигурой среди руководящих партизанских кадров Орловской области. Можно даже сказать, что за ним сохранилась слава самого непопулярного партизанского лидера. Имя его обросло слухами и сплетнями.

Такая память несправедлива!

В прошлом видный комсомольский деятель, сотрудник торгового представительства СССР в Париже, комиссар с первых дней создания истребительного батальона и партизанского отряда, а затем его командир, Рыжков после освобождения Брянской области от оккупации оказался в изоляции. Он не был принят ни новой региональной властью, ни группой партизан, с которыми ему довелось воевать, ни теми, кто занял в Бежице руководящие партийные и советские посты.

Его имя было вычеркнуто из истории партизанского движения области. Об этом свидетельствует хроника знаменательных событий партизанской борьбы на Брянщине. В ней Петр Рыжков, который возглавил Орджоникидзеградский отряд сразу же после гибели Александра Виноградова, как командир даже не упоминается. А ведь и хроника, и документы, и материалы вышли отдельным сборником под редакцией секретаря Брянского обкома КПСС В. К. Соколова. Он не мог не знать о

командире Рыжкове. Но вместо беспристрастной оценки места и роли этого человека в организации Орджоникидзеградского партизанского отряда Брянский обком КПСС по собственному усмотрению обезличил реальную историю отряда.

Более того, еще при жизни П. А. Рыжкова в различные столичные инстанции начали поступать из областного центра жалобы на бывшего командира. Авторами жалоб выступили некоторые однополчане этого командира. В основном подчеркивалась его исключительно негативная роль в отряде, большинство фактов, которые приводились в письмах, были умышленно искажены.

Партийные фальсификаторы приступили к искажению событий в партизанском движении в первые месяцы освобождения Брянщины от захватчиков и возвели ложь к 60-м годам прошлого века в догмы.

Споры о «злом» и коварном Петре Рыжкове и о его якобы имевших место разногласиях с Александром Виноградовым не стихают до сих пор. Причем инициаторы этих выдумок не приводят аргументов и фактов.

В дискуссию втянулись историки, краеведы и даже родственники некоторых брянских партизан и, конечно, чиновники Брянской областной администрации.

Но, несмотря на старания блюстителей идеологической стерильности некоторых событий прошлого подправить явные и неочевидные ошибки и заблуждения П. А. Рыжкова, его личность является воплощением как положительных, так и отрицательных черт, которые были в целом присущи партизанам Брянского леса.

Будучи образованным приверженцем политического режима И. Сталина, он находился в числе самых активных идейных защитников и пропагандистов сильной личной власти, хотя эта власть и к нему была сурова. Однажды за то, что его тесть был арестован органами НКВД,

Рыжкова наказали по партийной линии, объявив ему строгий выговор. Наказание не повлияло на его преданность партии большевиков.

На всех поворотах развития СССР Рыжков выступал последовательным и сознательным сторонником действующего режима, власти и большевистской партии. В его манере общения с людьми, поведении партийного комиссара и партизанского командира наиболее полно отразилась приверженность возобладавшей в стране жесткой линии и партийной непреклонности к инакомыслию.

Являясь воспитанником директивной системы, настоящим «сыном» партии большевиков, можно даже сказать ее солдатом, он бескомпромиссно отстаивал идеалы СССР - как понимали их многие люди его круга. Все его действия на этом пути были продиктованы убеждением в святости провозглашенных партийных идеалов, которые, как он считал, следовало неуклонно претворять в жизнь.

Опираясь на документальные источники, а также на сведения, полученные мной от разных людей, в том числе из писем и воспоминаний самого Петра Андреевича, я предпринял попытку беспристрастно реконструировать биографию этого человека.

Мне хочется показать Петра Рыжкова в разные периоды его жизни и под разными углами зрения, в том числе как видного организатора партизанского движения в Брянской области. Показать и с той стороны, которая вызвала и до сих пор вызывает отрицательное отношение к этому человеку. Речь идет о его якобы причастности к трагической судьбе А. И. Виноградова (никем не доказанной, но версия о ней из года в год повторяется).

П. А. Рыжкова в отряде многие не любили - это правда. К сожалению, он давал для этого поводы. Но это вовсе не означает, что о судьбе партизанского командира не должны знать потомки.

Большевик ленинского призыва

Петр Рыжков родился в деревне Гусевка Людиновского района Орловской области. Однако влияние крестьянских корней на его воспитание было практически сведено к нулю, главным образом потому, что кроме самого факта рождения и десятимесячной работы батраком в родном селе (в юношеском возрасте) ничто другое не связывало этого человека с крестьянской средой и ее культурой. Это был не демонстративный разрыв с духовными ценностями «младшего брата» пролетариата, а естественная отдаленность от него в силу ряда обстоятельств, оказавших решающее влияние на формирование мировоззрения молодого человека.

«Летописец» истории Орджоникидзеградского партизанского отряда Иван Коренков, являясь наиболее стойким идеологическим противником Петра Рыжкова, попытался придать факту сдержанного отношения своего командира к крестьянам политическую окраску, обвиняя того в пренебрежительном отношении к классу землепашцев.

Такая упрощенная интерпретация классового сознания Рыжкова лишь отчасти соответствует действительности. Врач Орджоникидзеградского партизанского отряда Иван Александрович Батюнин (рассказ о нем еще впереди) как человек, способный не только на профессиональный медицинский диагноз, но и на точную оценку внутреннего мира личности, однажды так охарактеризовал Коренкова в письме, адресованном Михаилу Гудакову, в прошлом командиру роты: «От Ивана Сергеевича Коренкова получил очень толстое письмо - полную поэму в стихах о его биографии и дальнейшей жизни, с перечислением всех занимаемых постов и о правильном учении марксизма-ленинизма. Я ему на его поэму дал большой ответ. Ответил, что марксизм-ленинизм в течение 70 лет над страной и всем народом проводил эксперимент и держал нас впроголодь. За более короткий срок капиталисты построили коммунизм. Те наши жулики все делали для себя, так же как и теперешние, но теперешние - это те же, только

перекрасились в демократов. Я удивлен: он-то мужик неглупый, но как он не может понять, что нужно что-то менять в жизни, и менять быстро, а так как тянули долго - вот и дотянули».

Марксистско-ленинское мировоззрение Ивана Коренкова и марксистско-ленинское мировоззрение Петра Рыжкова отличались, пожалуй, в одном и самом главном. Коренков усвоил это учение в основном по сталинскому учебнику «Краткий курс истории ВКП(б)», жил и действовал в рамках этого курса. В отличие от него Рыжков эту историю знал изнутри, так как принимал личное участие в ее создании, и при этом на высоких постах. Рыжков был не просто идеологическим адептом и практическим защитником этой системы, как Иван Коренков, а ее убежденным строителем, бескомпромиссным вдохновителем и организатором масс.

Его служебная карьера примечательна тем, что была напрямую связана с деятельностью комсомола. Длительная работа в этой молодежной общественной организации наложила отпечаток на характер и поведение Петра Рыжкова. Можно даже сказать, что он являлся идеальным воплощением советского комсомольского работника довоенного периода.

Его комсомольская карьера была стремительной — так уж повелось в этой организации: способные и целеустремленные молодые люди очень быстро добивались головокружительных карьерных успехов. Судите сами, проработав два года слесарем, а затем учеником разметчика на заводе «Красный Профинтерн», Петр Рыжков в 20 лет становится инструктором уездного комитета комсомола города Бежицы. Но он не рядовой инструктор, а заведующий экономическим отделом, и с этого времени выборная комсомольская работа стала для него профессиональным занятием. Вскоре он становится представителем Брянского комитета ВЛКСМ при губернском отделе труда, потом - секретарем Бежицкого райкома комсомола.

Опыт работы в комсомольско-молодежных организациях сыграл определяющую роль в его судьбе - он будет рекомендован Брянским окружкомом ВЛКСМ для оперативной работы в Народном комиссариате внешней торговли СССР. Рекомендуя внешнеторговому ведомству Петра Рыжкова, секретарь Брянского окружкома ВЛКСМ Западной области сделает важную для понимания характеристики Рыжкова приписку в деловом отзыве о нем: «На хозяйственной работе недавно, имеет тенденцию к росту и овладению оперативным делом».

Орграспредотдел комиссариата направил молодого перспективного работника в Торгпредство СССР в Париже. Это произошло в 1930 году, когда Рыжкову исполнилось 24 года. К этому времени он свободно говорил и писал на французском языке. Его официальная должность в Торгпредстве - оперативный работник по вопросам экспорта руды. В Париже Петр Рыжков отработал чуть больше пяти лет, а с марта 1935 по январь 1936 года он - в Москве. В столице работал консультантом Минералэкспорта. А затем - город Орджоникидзеград (в прошлом Бежица), где начинался его путь в Париж, в международную торговлю.

В Орджоникидзеград Рыжков вернулся уже не тем, кем он уехал отсюда. Заграничная работа превратила его из активного и компанейского комсомольского вожака в сдержанного, замкнутого, даже закрытого человека. Его отличительная черта общения с людьми проявлялась в холодном и нередко безучастном отношении к ним. Формально он исполнял все, что от него требовалось. Но для простых и малообразованных людей, привыкших жить сообща, с душой нараспашку, его холодная отчужденность воспринималась как высокомерие по отношению к другим, настораживала, вызывала подозрение и отторжение.

Его повторное появление в городе и на заводе вызвало у людей разные чувства и оценки. Одни, кто его знал и помнил,

возможно, даже не догадывались о тех глубоких внутренних переменных, которые с ним произошли. Другие же, кто годами, ступенька за ступенькой карабкался по служебной лестнице, наоборот, считали его выскочкой, чужаком на заводе. Третьи втихомолку злорадствовали по поводу его странного возвращения на предприятие, считая, что, отработав ряд лет в Париже и Москве на весьма высоких должностях, он провинился перед властью и поэтому его бесславно вернули.

В известной степени неоднозначное восприятие Рыжкова как одного из заводских руководителей осложнило его пребывание в партизанском отряде, в чем, несомненно, была и его личная вина. В Орджоникидзеградском партизанском отряде подобралась группа партизан, которая недолюбливала «чужаков» и настороженно, даже враждебно относилась к образованным людям.

Между тем новое появление Рыжкова на заводе имело определенные причины. «Красный Профинтерн», куда Петра Андреевича направили заведующим бюро технической информации и одновременно начальником отдела технической учебы, являлся, по сути, стратегическим предприятием оборонного значения. Информация о его технических возможностях, перспективе развития, равно как и освоение новых профессий, являлась секретной, поэтому хранить и управлять этой информацией должен был политически грамотный, дисциплинированный человек, знающий цену тайны, умеющий ее хранить, обладающий опытом и чутьем оперативного работника. А это было как раз то, что в высшей степени характеризовало П. А. Рыжкова — в силу особенностей его замкнутой и скрытной натуры, опыта работы за границей и объема приобретенных знаний.

Здесь следует сказать и о том, что ранняя связь с комсомолом, приобщение к духу и практике молодежных политических кампаний, победным рапортам определили и его, скажем так, тягу к отчетам. Он был приверженцем оптимистических реляций, не особенно считался с

точностью показателей, которыми любила «баловать» себя власть. Не гнушался он и применением жесткого наказания, считал, что чем круче спрос, тем надежнее процесс воспитания подчиненных. Он был чрезмерно строг к себе, и эту строгость продолжал в общении с партизанами. Он никому не делегировал своих обязанностей, чем вызывал у некоторых зависть и желание насолить ему.

Кучер, В.Н. Пять жизней одного отряда: партизаны Брянщины в годы Великой Отечественной войны: идеолог условных расстрелов / В. Кучер // Партизаны Брянского леса: какими они были. 1941-1943 гг. - Москва: Изд-во "Возвращение".- 2014. - С.276-292. - ил.